

7. Подвойский Л. Я. В.С. Соловьев – провозвестник Платона в русской философской культуре / Л. Я. Подвойский // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2011. – № 2. – С. 215–221.

8. Подвойский Л. Я. Н.И. Надеждин о таинстве Платоновой мудрости / Л. Я. Подвойский // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2012. – № 1. – С. 203–211.

9. Подвойский Л. Я. Русский платонизм и «философия любви» А.Ф. Лосева / Л. Я. Подвойский // Традиционная славянская культура и современный мир : мат-лы II Кирилло-Мефодиевских чтений (22 мая 2006 г.). – Астрахань, 2006. – С. 190–203.

10. Соловьев В. С. Критика отвлеченных начал / В. С. Соловьев // Сочинения : в 2 т. – Москва : Мысль, 1988. – Т. 1. – 892 с.

11. Хайдеггер М. Бытие и время / М. Хайдеггер. – Москва : Ad Marginem, 1997. – 452 с.

12. Шульга Е. Н. Проблематика предпонимания в герменевтике, феноменологии и социологии / Е. Н. Шульга. – Москва : ИФРАН, 2004. – 173 с.

References

1. Gusserl' Je. *Idei k chistoj fenomenologii i fenomenologicheskoy filosofii. Kniga pervaja* [Ideas to pure phenomenology and phenomenological philosophy. The first book]. Moscow: Akademicheskij proekt, 2009, 489 p.

2. Karbuwenko P.L., Podvojskij L.Ja. *Filosofija i jelitologija kul'tury A.F. Loseva* [Philosophy and elitology of A.F. Losev culture]. Moscow: Luch, Literaturnaja ucheba, 2007, 258 p.

3. Kollingvud R.Dzh. *Ideja istorii. Avtobiografija* [Idea of history. Autobiography]. Moscow: Nauka, 1980, 486 p.

4. Losev A.F. *Dialektika mifa* [Dialectics of the myth]. *Mif – Chislo – Suwnost'* [Myth – Number – Essence]. Moscow: Mysl', 1994, 919 p.

5. Losev A.F. *Filosofija imeni* [Name philosophy]. *Bytie – imja – kosmos* [Being – name – space]. Moscow: Mysl', 1993, 958 p.

6. Nizhnikov S.N. *Metafizika very v russkoj filosofii* [Belief metaphysics in Russian philosophy]. Moscow: INFRA-M, 2012, 313 p.

7. Podvojskij L.Ja. V.S. Solov'ev – provozvestnik Platona v russkoj filosofskoj kul'ture [V.S. Solovyev – messenger of Platon in Russian philosophical culture]. *Kaspijskij region: politika, jekonomika, kul'tura* [Caspian Region: Policy, Economy, Culture], 2011, no. 2, pp. 215–221.

8. Podvojskij L.Ja. N.I. Nadezhdin o tainstve Platonovoj mudrosti [N.I. Nadezhdin about sacrament of Platonov wisdom]. *Kaspijskij region: politika, jekonomika, kul'tura* [Caspian Region: Policy, Economy, Culture], 2012, № 1, pp. 203–211.

9. Podvojskij L.Ja. Russkij platonizm i «filosofija ljubvi» A.F. Loseva [Russian platonizm and «love philosophy» of A.F. Losev]. *Tradicionnaja slavjanskaja kul'tura i sovremennij mir* [Traditional Slavic culture and modern world]. Astrakhan, 2006, pp. 190–203.

10. Solov'ev V.S. *Kritika otvlechennyh nachal* [Criticism of the abstract beginnings]. *Sochinenija* [Works]. Moscow: Mysl', 1988, vol. 1, 892 p.

11. Hajdegger M. *Bytie i vremja* [Being and time]. Moscow: Ad Marginem, 1997, 452 p.

12. Shul'ga E.N. *Problematika predponimaniya v germenevtike, fenomenologii i sociologii* [Pre-understanding problems in hermeneutics, phenomenology and sociology]. Moscow: IFRAN, 2004, 173 p.

ТРАДИЦИЯ ПСИХОАНАЛИЗА В ПОНИМАНИИ ПОТРЕБНОСТИ

Гайнутдинова Екатерина Валерьевна, кандидат философских наук, доцент

Астраханский государственный технический университет
414025, г. Астрахань, ул. Тагипцева, 16
E-mail: gainutdinova.ekaterina@mail.ru

Исследование представлений о потребностях с точки зрения психоанализа формирует новое понимание потребности, определившееся в том, что человеку, также как и животному, присущи природные инстинкты, которые не просто направляют его действия, но и становятся основой его деятельности. Благодаря именно школе психоанализа и тем психологам, кто продолжил их исследования, связанные с изучением биологических и социальных особенностей человека, социально-философское исследование получило практическую основу для создания базовой методологии в системе механизмов детерминации.

Ключевые слова: потребность, детерминант, нужда, желание, психоанализ, нейромаркетинг.

TRADITION OF PSYCHOANALYSIS IN NEED UNDERSTANDING

Gainutdinova Ekaterina V., Ph.D. (Philosophy), Associate Professor

Astrakhan State Technical University
16 Tatishchev st., Astrakhan, 414025, Russia
E-mail: gavrillinan.e@mail.ru

The research of views of needs from the point of view of psychoanalysis forms a new need understanding defined in that a man, as well as an animal, has natural instincts, which not only direct his actions but become the basis of his activity. Just thanks to the school of psychoanalysis and those psychologists who continued their researches, relating to the study of biological and social human features, social and philosophical research got the practical basis for creation of the basic methodology in the system of determination mechanisms.

Keywords: *Need, Determinant, Want, Desire, Psychoanalysis, Neuromarketing.*

Значительный вклад в изучение проблемы потребности внесли и продолжают вносить достижения психологии, в рамках которой проводились исследования механизма развития потребности в человеческой деятельности на уровне практических экспериментов. В большей степени это связано со школой психоанализа, благодаря работе которой возникло новое понимание потребности, определившееся в том, что человеку, также как и животному, присущи природные инстинкты, которые не просто направляют его действия, но и становятся основой его деятельности.

В начале XX в. изучение проблемы потребностей в психологии становится приоритетным в русле развития фрейдистского и в дальнейшем неопрейдистского направлений, несмотря на то, что параллельно развивались и такие направления, как бихевиоризм, гештальтпсихология и др. Э. Фромм объясняет это тем, что необихевиоризм опирается на тот же самый принцип, что и концепция Уотсона (бихевиоризм – изучение человеческого поведения), согласно которой психология не имеет права заниматься чувствами и влечениями или какими-либо другими субъективными состояниями; соответственно, «отклоняет любую попытку говорить о «природе» человека, либо конструировать модель личности, либо подвергать анализу различные страсти, мотивирующие человеческое поведение» [6, с. 68–69]. Если опираться на концепцию бихевиоризма и необихевиоризма, то исследование закономерностей человеческого поведения будет неполноценным, и сложно будет определить суть развития не только конкретного индивида, но и общества в целом, так как исследуя только стимулы человеческого поведения, невозможно доказать детерминационную роль потребностей в человеческой деятельности и особенности их реализации с учетом субъективного восприятия. Неслучайно Э. Фромм называет Скиннера «наивным рационалистом», который «игнорирует человеческие страсти», поскольку бихевиоризм не владеет теорией личности, он видит только поведение и не в состоянии увидеть действующую личность: «Для бихевиористов нет никакой разницы между улыбкой врага и улыбкой друга [6, с. 76]. Данная позиция явилась результатом того, что Э. Фромм был последователем идей известного психолога З. Фрейда, который основное внимание уделял психоанализу человеческого поведения и был сторонником позиции относительно определяющей роли потребностей в деятельности индивидов, обозначив материальную составляющую становящейся Личности ОНО, интеллектуальную – Я, духовную – СверхЯ, что представило структуру бессознательного, благодаря которой ученый обнаружил более глубокие причины человеческого поведения, находящие выход посредством желаний, состояний удовольствия или неудовлетворения: «... "другое" ведет себя так, как вытесненное побуждение. Оно может развить движущие силы, причем "Я" не заметит принуждения. Только сопротивление принуждению, задержка в реакции разрядки тотчас дает осознать это другое как неудовольствие» [8, с. 360]. Между тем З. Фрейд пытался не давать однозначного ответа по поводу характера детерминантов человеческой деятельности, то есть, с одной стороны, он определял наличие внутренних причин действий субъекта, с другой стороны, признавал влияние внешних причин на его действия: «Так же, как и

напряжения, вызываемые потребностями, и боль может оставаться чем-то «средним» между внешним и внутренним восприятием; она проявляет себя как внутреннее восприятие и в том случае, когда причины ее исходят из внешнего мира. Таким образом, верно, что и ощущения и чувства делаются сознательными только тогда, когда пребывают в систему В» [8, с. 360]. Иначе говоря, З. Фрейд предпринял попытку доказать практически существование материального детерминанта деятельности. Однако абсолютизация инстинктов «Эрос» и «Танатос» не дала возможность отразить специфику именно человеческой природы, поскольку акцент был сделан именно на физиологических потребностях человека. Все указанные факты, таким образом, отразились на том, что ученый избегал абсолютных крайностей в решении проблемы характера потребностей, тем самым для него потребности носили субъект-объектный характер как вариант альтернативного решения проблемы. Э. Фромм, вслед за З. Фрейдом, исследуя проблемы потребностей, предложил во второй половине XX в. собственную классификацию потребностей, которая, с одной стороны, отражала идеи фрейдовского учения; с другой стороны, придавала современную интерпретацию и эволюционное развитие его идеям. Э. Фромм подвергал критике позицию З. Фрейда, согласно которой все потребности выводились из биологической природы человека, а общество либо подавляло, либо удовлетворяло эти потребности. В свою очередь, сам Э. Фромм отмечал, что общество способно порождать новые потребности, при этом полагая, что внешние факторы являются превалирующими для человека исходя из его социальной природы: «Человеческая природа, ее страсти и тревоги – все это продукт культурного развития общества, по существу, сам человек – это самое важное достижение тех многочисленных непрерывных усилий человечества, которые в совокупности дают историческую картину, и именно это и можно назвать историей» [7, с. 26]. Тем самым ученый определяет объективный характер потребности. Классификация Э. Фромма, в отличие от классификации З. Фрейда, не замыкается только на инстинктах. Кроме инстинктов (физиологические потребности) Э. Фромм выводит так называемые экзистенциальные потребности, связанные с социализацией личности, называя их собственно человеческими. Наличие таких потребностей Э. Фромм объяснял тем, что самосознание, разум и воображение – все эти новые свойства человека, которые «далеко выходят за рамки инструментального мышления самых умных животных, требуют создания картины мира и места человека в нем, которая имеет четкую структуру и обладает внутренней взаимосвязью» [6, с. 303–304]. Посредством такого разделения потребностей Э. Фромм пытался передать специфику действий субъекта, который, в отличие от животных, действует не только ради тех потребностей, удовлетворение которых поддерживают его существование, но и стремится к более возвышенным целям. Однако Э. Фромм, подчеркивая объективность человеческих потребностей, дает описание их посредством моментов субъективного порядка, связывая категорию «потребность» с такими понятиями, как, например, «желание» или «страсть». Трудно отрицать, что эти человеческие устремления могут зависеть от множества различных условий, в том числе и внешних. Но именно поэтому они не могут претендовать на роль исходных детерминантов деятельности, поскольку являются формами актуализированной потребности. Следствием данной позиции стало то, что Э. Фромм утверждал важность воздействия внешних стимулов, регулирующих в своей выгоде поток потребностей. Тогда как речь в его работах шла не о самих потребностях, а о тех желаниях, которые испытывает субъект, которые обусловлены тем, что одна и та же потребность может иметь разные линии удовлетворения. В рамках данной концепции развивались исследования о потребностях американского психолога А. Маслоу (его классификация потребностей стала для многих российских и зарубежных ученых классической) и польского психолога К. Обуховского, которые явились отчасти основными предпосылками для обоснования потребности как материального детерминанта социальной деятельности. Например, А. Маслоу в своей классификации исходил из представлений о том, что существует базовое количество потребностей, от степени осознания которых зависит не само их наличие, а процесс развития человеческой деятельности, отмечая

при этом тот факт, что о базовых потребностях нельзя однозначно сказать, что они бессознательные или, наоборот, сознательные. Между тем А. Маслоу обращал внимание на то, что «как правило, у среднестатистического человека они все же имеют бессознательную природу... Потребности, которые мы называем базовыми, большинством людей либо совсем не осознаются, либо осознаются отчасти, хотя, разумеется, особо утонченные, особо чувствительные способны и к полному осознанию» [1, с. 99]. Иначе говоря, проблема формируется на уровне именно осознания имеющихся потребностей, тем самым определяется способность того или иного индивидуума к распознаванию своих потребностей. Кроме того, американский психолог посредством своей классификации потребностей пытался передать иерархию развития потребностей как отражение развития личности субъекта, начиная с самых низших потребностей (физиологические потребности) и заканчивая высшими потребностями (потребность в уважении, потребности самовыражения), в чем обнаруживается самоценность человека, способного в процессе социализации и духовного развития достичь наивысших человеческих потребностей. Однако убежденность исследователя в существовании иерархии потребностей стало следствием установления А. Маслоу препотентности дефициентных потребностей перед бытийными. При этом он отмечал, что в процессе онтогенетического развития высшие потребности обнаруживаются позже, чем низшие. Соответственно, по мнению А. Маслоу, «чем выше место потребности в иерархии потребностей, тем менее насущна она для выживания, тем дольше она может оставаться неудовлетворенной и тем выше вероятность ее полного исчезновения... По сравнению с пищей и безопасностью уважение кажется просто роскошью» [1, с. 156]. Кроме того, следует учитывать тот факт, что концепция А. Маслоу представляет собой модель развития потребностей согласно закону возвышения потребностей, что, в большей степени, отображает не сами потребности как детерминанты деятельности, а детерминацию базовых потребностей на уровне актуализации, поскольку развитие получают не сами потребности, а представления субъекта о них. Соответственно, следует учитывать роль воли в деятельности, способной варьировать существующие потребности по степени их необходимости. Например, если человеку срочно нужно сделать какое-то задание, от выполнения которого зависит либо повышение по службе, либо вообще сохранение рабочего места, то он не будет акцентировать внимание на еде или сне в момент его выполнения. Соответственно, при анализе насущных потребностей человека следует учитывать также и ситуации, при которых происходит их актуализация.

Между тем А. Маслоу наиболее убедительно представил и проанализировал именно «человеческие» потребности, характеризующие субъекта как самодостаточное существо, способное к более сложным потребностям, осуществление которых зависит от участия сознания, а их актуализация от уровня развития самого человека. А. Маслоу, изучая потребности и механизм их развития, предпринимает попытку разграничить такие понятия, как «желание» и «потребность», тем самым пытаясь доказать, что субъект – это интегрированное целое, поведение которого детерминировано именно потребностями, а не сознанием: «Глубинный анализ тем и хорош, что всегда подразумевает существование некой личностной цели, или потребности, глубже которых уже ничего нет, удовлетворение которых само по себе является целью» [1, с. 62]. При этом А. Маслоу отмечает характерную особенность этих потребностей, состоящую в том, что они, как правило, не обнаруживают себя непосредственно, а выступают скорее как своеобразный концептуальный источник множества специфических, осознаваемых желаний.

В свою очередь, К. Обуховский, подробно изучавший потребности и механизм их воспроизведения в человеческой деятельности, также пытался практически доказать, что потребность является материальным детерминантом социальной деятельности. При этом исследователь справедливо подвергал критике тех психологов, которые связывали понятие «потребность» с различного рода состояниями: «Прежде всего, следует подчеркнуть, что потребности нельзя понимать как «духовный» фактор или «жизненную силу». Подобное понимание опирается на более или менее четко

выраженные метафизические представления, не имеющие права на существование в современной психологии. Немного пользы принесет также интроспективное понимание потребности как субъективного ощущения желания чего-либо» [2, с. 64]. В связи с этим К. Обуховский полагал, что совсем неоправданно характеризовать потребность как напряжение, поскольку «потребность» является понятием именованным, то есть, говоря о чьей-либо потребности, мы связываем ее с определенной категорией предметов или видов деятельности, направленных на то, что может удовлетворить данную потребность. Тогда как, по мнению К. Обуховского, «состояния напряжения у человека сами по себе не являются именованными, то есть не касаются никаких определенных предметов, не могут, следовательно, направлять поведения, а значит, не заслуживают названия потребности» [1, с. 70]. Данная точка зрения дает возможность обоснования того, что потребность – это свойство субъекта нуждаться в необходимых условиях своего существования. Кроме того, исследования К. Обуховского были направлены непосредственно на изучение форм реализации существующих потребностей, а именно на механизм саморегуляции, поскольку уровень осознания потребностей на стадии мотивации определяет проблему их детерминационной роли в деятельности. Это связано с тем, что субъект ориентируется в своих действиях, как правило, на актуализированные потребности, то есть на более простой путь к поиску источника состояния дискомфорта, не требующего дополнительных усилий для анализа своих ощущений. Неслучайно К. Обуховский вводит такое понятие как «защитные мотивы» – те мотивы, посредством которых человек оправдывает свое поведение: «Проблема реализации потребности как детерминанта человеческой деятельности обнаруживается на уровне формирования мотива, где происходит осознание субъектом своих потребностей. Как следствие возникает проблема сублимации посредством "защитных мотивов"» [2, с. 30]. В качестве попытки разграничения потребностей и актуализированных потребностей, польский ученый разрабатывает классификацию базовых потребностей, представленных в следующем виде. I. Потребность самосохранения: 1) физиологические потребности; 2) ориентировочные потребности. II. Потребности размножения (сохранения вида) [2, с. 81]. Следует обратить внимание на то, что ориентир на минимизацию количества потребностей не может полноценно отобразить детерминанты деятельности, поскольку указывает лишь общий взгляд на данную проблему. Однако данная проблема обнаруживает себя не на концептуальном уровне, а на уровне конкретной задачи самого исследователя, который создал классификацию как альтернативу существовавшим в то время классификациям, включавшим большое количество потребностей. Этот факт признает и сам К. Обуховский при дальнейшем исследовании потребностей человека в последнем издании книги «Галактика потребностей»: «Итак, каждое из 8 изданий и переводов книги было исправлено и расширено. Время шло, наконец, это количество изменений "переросло в качество", и появилась новая книга» [3, с. 10].

Между тем исследования К. Обуховского в области мотивации человеческой деятельности позволили посредством анализа жизненных ситуаций обнаружить проблему желаемого и действительного на уровне разграничения потребностей и желаний, первые из которых это «вожделение и влечения», а вторые – это то, что человеку необходимо для того, чтобы «он мог существовать как организм, развиваться как личность и быть психически свободным» [3, с. 13].

Если в мировой, так и отечественной психологии до сих пор остается распространенной позиция о том, что желания и нужда детерминирует нашу деятельность (Ж. Бодрийяр, В.И. Власюк, А.Г. Здравомыслов К. Левин, Г. Мюррей, В.С. Магун, А.А. Мигولاتьев, Д.Н. Узнадзе, Е.П. Ильин и др.), то те иностранные психологи, кто продолжает заниматься психоанализом в русле маркетинга, повышая продажи крупных компаний, доказывают своим успехом, что поведением человека управляют первичные эмоции и инстинкты. Например, К. Рапай, как и его австрийский коллега А. Трайдл занимаются обнаружением первичных эмоций, полагая, что именно в них содержится ключ к выявлению причин действий людей. В ходе исследований А. Трайдл пришел к выводу о том, что «все наши психические процессы подсозна-

тельно обрабатываются на нескольких уровнях мозга. Мы не можем намеренно повлиять на них, пока они не достигнут порога сознания (нашего сознательного «Я»). В процессе восприятия окружающего мира мы физически «прощупываем» его сенсорными аппаратами всех органов чувств. Таким образом, внешнему раздражителю нужно от 200 до 500 миллисекунд (мс), прежде чем мы осознаем его как картинку, звук, давление или запах» [5, с. 14]. Если Трайдл связывает эмоции с потребностями, доказывая, что каждый человек обладает базовым набором потребностей, то К. Рапай также делает акцент на изучение эмоций человека на уровне выявления культурного кода. В связи с чем он в свою работу с детьми, больных аутизмом и в дальнейшем сфере маркетинга делал акцент на понятии «импринтинг» (запечатление), которое ввел в обиход К. Лоренц для обозначения запечатленного образа, управляющего нашим мышлением и определяющего наши действия в будущем. Каждый такой след в памяти добавляет черточку в наш характер, а совокупность таких отпечатков создает личность. [4, с. 5–7]. По сути, речь идет о потребности, не знающей своего предмета и как свойстве, не обладающее достаточным опытом в своей актуализации иницируется в поисках вариантов через абстракцию. Например, исследователь рассказывает случай из своей практики о желании его клиентов компании Нестле продавать успешно кофе в Японии, однако в ходе работы в фокус-группах исследователь пришел к выводу, что обнаружить культурный код, который будет стимулировать японцев к употреблению кофе обнаружить нельзя в силу того, что у них сильна связь традиций с употреблением чая, в результате он порекомендовал руководителям компании начать прививать вкус к кофе у японских детей посредством производства специальных детских десертов со вкусом кофе, чтобы в дальнейшем они стали потенциальными потребителями кофе [4, с. 7–8]. Несмотря на существующую критику относительно концепции психоанализа, интерес к области бессознательного не ослабевает, и изучение бессознательного продолжает давать свои результаты, что связано с развитием направлений, изучающих структуру и работу головного мозга человека, поскольку далеко не каждый способен объяснить то, почему совершает те или иные поступки, анализируя и обосновывая их уже постфактум.

Таким образом, А. Маслоу и К. Обуховский, исследуя механизм реализации потребностей в человеческой деятельности на уровне психических реакций в организме, осуществили попытки наиболее объективного анализа характера потребностей и их детерминирующей роли в деятельности, тем самым наметив новые пути развития проблемы. При этом следует отметить, что работы школы психоанализа в новой форме возобновили понимание потребности как некоторого аналога врожденных человеку инстинктов, которые являются основой его деятельности. Между тем отмечается излишняя категоричность ряда позиций, связанных с некоторыми утверждениями З. Фрейда и его последователей. Прежде всего, это относится к предположению о доминирующей роли сексуальных инстинктов, а также к идеям Э. Фромма об абсолютном преобладании влияния внешних условий при формировании человеческой личности. Наряду с этим критически разбирается предложенная А. Маслоу гипотеза о существовании закона возвышения потребностей.

Однако благодаря именно школе психоанализа и тем психологам, кто продолжил их исследования, связанные с изучением биологических и социальных особенностей человека, социально-философское исследование получило практическую основу для создания базовой методологии в системе механизмов детерминации.

Список литературы

1. Маслоу А. Мотивация и личность / А. Маслоу. – Санкт-Петербург : Евразия, 1999. – 478 с.
2. Обуховский К. Психология влечений человека / К. Обуховский. – Москва : Прогресс, 1972. – 244 с.
3. Обуховский К. Галактика потребностей. Психология влечений человека / К. Обуховский. – Санкт-Петербург : Речь, 2003. – 296 с.
4. Рапай К. Культурный код: Как мы живем, что покупаем и почему / К. Рапай. – Москва : Юнайтед Пресс, 2008. – 168 с.

5. Трайдл А. Нейромаркетинг. Визуализация эмоций / А. Трайдл. – Москва : Альпина Бизнес Букс, 2007. – 128 с.
6. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / Э. Фромм. – Москва : АСТ, 1998. – 670 с.
7. Фромм Э. Бегство от свободы / Э. Фромм. – Минск, 2004. – 384 с.
8. Фрейд З. «Я» и «Оно» / З. Фрейд // З. Фрейд, Труды разных лет : в 2 т. – Тбилиси : Мерани, 1991. – Т. 1. – 252 с.

References

1. Maslou A. *Motivacija i lichnost'* [Motivation and personality]. St. Petersburg: Evrazija, 1999, 478 p.
2. Obuhovskij K. *Psihologija vlechenij cheloveka* [Psychology of inclinations of the person]. Moscow: Progress, 1972, 244 p.
3. Obuhovskij K. *Galaktika potrebnostej. Psihologija vlechenij cheloveka* [Galaxy of requirements. Psychology of inclinations of the person]. St. Petersburg: Rech', 2003, 296 p.
4. Rapaj K. *Kul'turnyj kod: Kak my zhivem, chto pokupaem i pochemu* [Cultural code: How we live, what we buy and why]. Moscow: Junajted Press, 2008, 168 p.
5. Trajdl A. *Nejromarketing. Vizualizacija jemocij* [Neuromarketing. Visualization of emotions]. Moscow: Al'pina Biznes Buks, 2007, 128 p.
6. Fromm Je. *Anatomija chelovecheskoj destruktivnosti* [Anatomy of human desruptiveness]. Moscow: AST, 1998, 670 p.
7. Fromm Je. *Begstvo ot svobody* [Escape from freedom]. Minsk, 2004, 384 p.
8. Frejd Z. «Ja» i «Ono» ["I" and "It"]. *Z. Frejd. Trudy raznyh let* [Z. Freud. Works of different years]. Tbilisi: Merani, 1991, vol. 1, 252 p.

ТРАДИЦИЯ АНТИПЛАТОНИЗМА В РУССКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Подвойский Леонид Яковлевич, кандидат философских наук, доцент

Астраханский государственный университет
414056, Россия, г. Астрахань, ул. Тагищева, д. 20а
E-mail: leonid.podv@gmail.com

В статье утверждается, что наряду с длительной традицией платонизма в русской философской культуре имеет место и традиция антиплатонизма. Однако этот факт порой проходит мимо внимания исследователей. Автор конкретно показывает проявление этой традиции, опираясь на работы некоторых представителей отечественной философской культуры.

Ключевые слова: платонизм, антиплатонизм, традиция, русская философия, культура, идеализм, материализм.

TRADITION OF ANTIPLATONISM IN THE RUSSIAN PHILOSOPHICAL CULTURE

Podvoisky Leonid Ya., Ph.D. (Philosophy), Associate Professor

Astrakhan State University
20a Tatishchev st., Astrakhan, 414056, Russia
E-mail: leonid.podv@gmail.com

The paper states that, along with a long tradition of Platonism in the Russian philosophical culture, the tradition of antiplatonism takes place. However, this fact often goes beside the researchers' attention. The author specifically indicates the manifestation of this tradition, relying on the works of some representatives of the national philosophical culture.

Keywords: Platonism, Antiplatonism, Tradition, Russian philosophy, Culture, Idealism, Materialism.